

Митяев Олег
(защитит проект России)

15.12.04

ОЛЕГ МИТЯЕВ:

Свой первый хит я написал на лекции по плаванию

Рубрика — 2004. — 9-15 дек. — с. 16

Если вы сидите в хорошей компании у костра или просто за праздничным столом и под рукой у вас гитара, рано или поздно, после третьей или пятой, вы неминуемо споете о том, "как здорово, что все мы здесь сегодня собрались". А также о том, что "лето — это маленькая жизнь". И о том, что "с добрым утром, любимая!". И вообще "давай с тобой поговорим!". Все эти и многие другие песни (их число уже перевалило за сотню) написал и озвучил для народа заслуженный артист России **ОЛЕГ МИТЯЕВ**.

— Вы сегодня считаетесь одним из самых успешных бардов. Или все-таки певцов? Или артистов? Сами кем себя считаете?

— Мне нравится никем себя не считать. И у меня есть такая возможность.

— Чем все-таки бард отличается от певца?

— Наверное, более широкое и современное понятие — это автор-исполнитель. Под эту категорию может попасть тот, кто пишет или музыку, или стихи, или и музыку, и стихи, и тот, кто сам поет. Это и рокеры, и шансон, и просто эстрадники, и, конечно же, барды. Мне всегда интересно наблюдать, куда меня относят. Куда отнесут — туда и ладно.

— Правда, что вы учились на актерском в ГИТИСе?

— Да. Причем вместе с Михаилом Евдокимовым, нынешним губернатором Алтая, с которым не раз выпивали.

— Почему же не пошли по актерскому пути?

— Актер — это абсолютно зависимая профессия. И все мои друзья-актеры, даже самые удачливые, мне завидуют по-черному. Потому что они постоянно ждут — вот придет режиссер и предложит. Будет ли это совпадать с их сущностью и желанием — еще вопрос. А у меня в руках авторучка, и я могу писать то, что хочу.

— На каких стихах вы росли?

— Дело в том, что в отличие от многих замечательных поэтов мне в детстве не очень повезло. У меня в принципе не было культурной среды. Не было в доме такого большого книжного шкафа. Ну похаживал я в библиотеку Челябинского трубопрокатного завода. Но не встретил в юности человека, который мне посоветовал бы, что читать. Поэтому читал все, что попадалось под руку. Не знаю, хорошо это или плохо. Ведь с другой стороны, многие вещи я открываю для себя только сейчас — Гоголя, Чехова, многих других классиков. И рад, что впервые это читаю в зрелом возрасте, когда уже есть какой-то жизненный опыт, помогающий более правильно воспринять литературу.

— Ваши родители имели отношение к искусству?

— Нет, никакого. Я рос в Челябинске. Отец трудился на заводе, мама работала то прачкой, то поварихой. Единственный большой плюс — она всегда меня держала в строгости, отпугивала в пионерские лагеря, турпоходы. И я всегда считал себя челябинским. И только недавно узнал, что отца завербовали на Челябинский трубопрокатный завод из Курской губернии в шестнадцать лет. А на Курской земле остались могилы предков. Знаете, до определенного возраста нас это не особенно волнует. А после сорока я понял, что хочу больше знать о своих корнях. Удивительно, раньше я об этом не задумывался, не спрашивал.

— Насколько ваши песни автобиографичны?

— "Ну, конечно!" Это я сейчас пишу песню, так она начинается. Ну конечно, они сотканы из моих чувств и впечатлений. Но иногда сюжет абсолютно не имеет отношения к впечатлениям. Сюжет можно придумать, а впечатление каким-то облаком встраивается в него. Гораздо важнее, что эта эмоция настоящая, что ты прочувствовал настроение.

— Почему начали писать?

— Я не предполагал, что вообще буду писать песни. Об этом увлекательном занятии я узнал, только когда отслужил в армии после монтажного техникума. В 78-м году, на втором курсе Института физкультуры, я случайно, прогуливаясь по берегу Иль-

мень-озера, наткнулся на фестиваль самодеятельной песни. И был потрясен этой чудесной атмосферой, этими такими мне знакомыми и такими классными песнями и, конечно, людьми — определенного интеллектуального уровня. И плюс к этому природа. И я захотел на следующий год туда обязательно приехать. Но надо было приехать с чем-то. И на лекции по плаванию я написал песню "Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались".

— Не думали тогда, что из первой же песни получится настоящий хит, который люди будут петь двадцать пять лет?

— Когда я ее писал, думал о том, что хорошо бы вот приехать на озеро и чтобы все эту песню пели. Наверное, это и называется "материализация мысли". Я же не знал такого слова "хит". Сейчас как-то хочется копнуть поглубже. В то же время я понимаю, что сочиняю песню, а не стихи. И соблести эту меру — глубинно-сиюминутного восприятия, как бы легкости музыки и весомости слова — довольно непросто. И я думаю, что не один я так мучаюсь. Просто у каждого разные представления о глубине и уровне.

— А у вас тогда не было внутреннего чувства протеста? Многие авторы-исполнители, по сути, были диссидентами в своей стране.

— Я благополучно рос в железобетонной социалистической среде Ленинского района города Челябинска. И я абсолютно дитя своего времени. Октябрьско, пионер, комсомолец, коммунист. Мне даже в голову не приходило сомневаться. Я точно знал, что у нас скоро будет коммунизм. И все это так классно! Я даже писал сочинения на эту тему.

— На ваш взгляд, сохранились еще романтики в движении КСП?

— Конечно, сохранились. И надо обладать большой мудростью, чтобы быть романтиком, потому что жизненные правила как-то нас смяли. Вообще, я думаю, люди верующие — как раз романтики. Потому что они живут не сегодняшним днем. Они как раз думают о духовном, о высоком, и это очень сильно переплетается с "Алыми парусами" и со "Второй жизнью".

Но есть еще "лирики". И они, мне кажется, к сожалению, атеисты. Они очень любят эту жизнь, весь этот навоз и кровь, и запах озона, природу, и поэтому они ближе к палаткам и кострам — там все это гораздо острее. Но я думаю, что это чувство живет в каждом человеке. Просто на сегодняшний день прагматизм побеждает, потому что, видимо, Маркс прав — прежде всего человек должен есть, пить и одеваться. А потом уже сидеть у костра и петь песни.

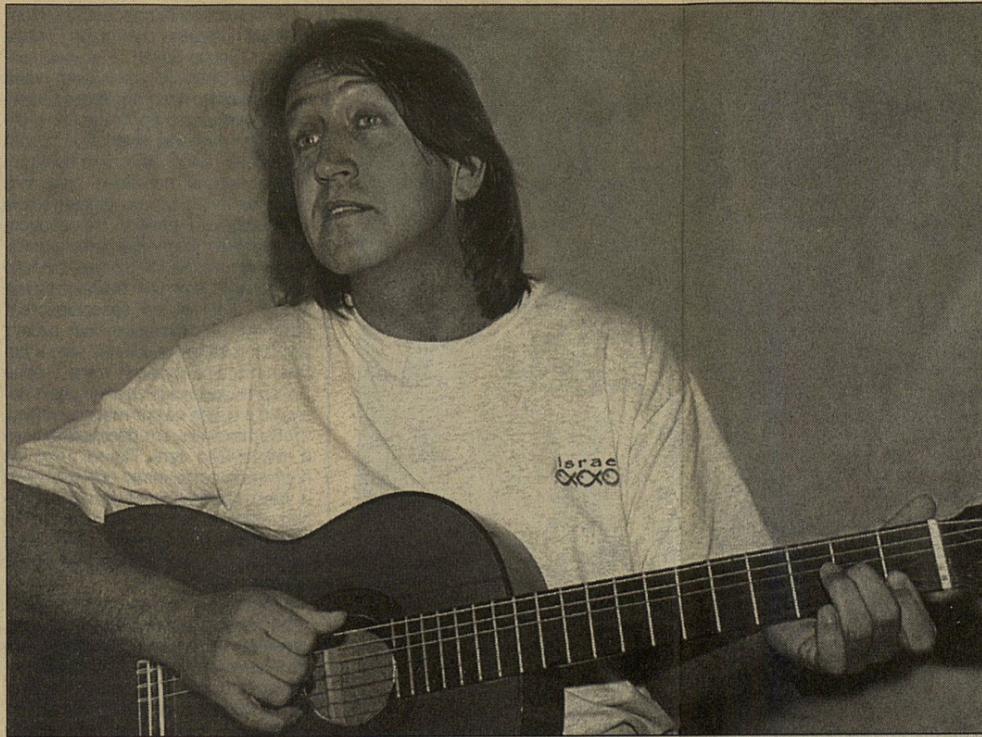
— Кстати, о прагматизме. Это нормально, когда билеты на ваш концерт стоят от 1200 рублей, как было во МХАТе?

— А сколько на Маккартни у нас стоили?

— Еще дороже, но...

— Значительно дороже. Я себя не равняю с ним, но хочу сказать, что организаторы чувствуют, за какие деньги можно продать зал. И они стараются. Цены на билеты — в какой-то степени показатель популярности и востребованности артиста. А вообще, это не мое дело. Ценой на билеты занимаются организаторы концертов. Мне же интересно наблюдать, в какую ценовую нишу нас поместят.

Но что касается настоящих поклонников, не особо богатых — у них всегда есть возможность сходить в какой-нибудь кинотеатр или клуб не

О. Митяев

в центре города, где билеты не такие дорогие.

— В бардовском кафе "Гнездо глухаря" вход стоит триста рублей. Это что, для бардов-буржуа?

— Дело в том, что это кафе было хорошим началом. После него уже появились довольно много бард-кафе по всей стране. И сейчас, к сожалению, алчность владельцев этого кафе губит все дело.

— Как вы реагируете на свои портреты, которыми вся Москва обклеена?

— Уже не так радостно, как раньше. Знаете, ко всему привыкаешь.

— Неужто нет желания понравиться?

— Главное — это понравиться себе. Нельзя сказать, что я пишу для себя. Но я — главный судья. Вообще, у любого человека, который что-то пишет, главным судьей является его вкус. Поэтому прежде всего, когда я что-то делаю и мне это очень нравится, у меня есть надежда, что это понравится и другим. Но я вполне допускаю, что кому-то это будет абсолютно безразлично, для кого-то — очень неглубоко, а для кого-то — недостижимо.

— У вас так много концертов? Не устали еще?

— Если честно, устал. Но здесь как бы две стороны. Одна — надо радоваться, что столько работы есть. Когда-нибудь ее не будет.

Даже думаю как-нибудь "законсервировать" пару сотен концертов, чтобы, когда интерес к моей персоне схлынет, достать их и сказать: "А вот помните? Это я. И готов у вас выступить". С другой стороны, как сказал Андрей Макаревич, мы несем радость людям. Он, правда, видимо, с иронией сказал. Но в этом есть и серьезная правда — потому что люди хотят нас слушать. Почему бы не доставить им удовольствие?

Но конечно же, борьба между сочинением и выступлениями идет постоянно. И сейчас, например, я довольно большой кусок времени выделю на то, чтобы сесть и писать, и читать. В этом смысле для меня пример — Михаил Жванецкий, который уезжает на все лето в Одессу и отказывается от всех заманчивых предложений.

— Вы много гастролируете, как то выступали даже в Африке — неужели там кому-то интересны наши песни?

— Ну, конечно, я соглашусь на это ради экзотики. А как бы еще я попал в Южную Африку. Сейчас собираюсь съездить в Австралию. И такой же неохваченной для нас является пока Япония. Кстати, не все знают, что

мои песни переведены на японский язык. Из них сделали танки и хокку. Это несколько строк, которые мне затем снова перевели на русский. И спрашивается, чего я писал так много? Например, такое хокку:

Все мы здесь.
Закатым отблеском
Пляшет костер меж сосен.
Здорово как! Или вот еще:
Надпись красивая эсэтри
В окне любимой.

Периферия!
"Близко" к оригиналу получилось и такое хокку:

Снова гость у соседки.
Как назвать ее,
Чтобы не обидеть одинокую женщину?

— Почему у вас так много песен-посвящений?

— Видимо, это для меня серьезный источник впечатлений от замечательных людей.

— Вы имеете в виду в первую очередь Визбора и Окуджаву?

— Ну почему? Там есть и никому не известные фамилии людей, которым посвящены песни. Я в какой-то степени наблюдатель жизни. Так получается, что иногда какие-то горести-радости "срисовываются" с других людей, с тех, кто рядом. И не рядом. Рассказал шахтер из Норильска свою историю, и я так этим проникся, что написал песню. Но это должно быть что-то близкое мне. Тогда получится.

Вообще, я раньше мечтал писать

новеллы. Роман Сергеевич Филиппов, наш преподаватель в ГИТИСе, нам неоднократно читал свои новеллы. И почему-то меня так согревала эта небольшая литературная зарисовка. Вот взять и даже не придумать, а может быть, пересказать. И что-то свое добавить. Вот такой литературный росчерк. Мне кажется, что иногда у меня с песней получаются как раз такие новеллы, которые могут кого-то взволновать.

— Вы были знакомы с Окуджавой. Что цените в нем больше всего?

— Если не касаться литературного таланта, который присутствовал в полной мере, прежде всего — гражданскую позицию. Булат Шалвович никогда не называл себя интеллигентом, но эта черта — говорить правду, даже если ему невыгодно — как раз присуща интеллигентному человеку.

— А кто в русском шансоне сегодня может стать с Окуджавой в один уровень?

— Я об уровне не говорил бы. Уровень у каждого слушателя свой. Это во многом зависит от интеллекта слушающего. Для кого-то и Бродский, и Окуджава просто недоступны для понимания. Поэтому для них эти фамилии ничего не значат. А в шансоне так все перепутано с блатняком, что то наносное с настоящим, что там очень сложно разобраться. Вот Александр Яковлевич Розенбаум — и поэт, и музыкант, и композитор, и певец. Все это присутствует в таких неболь-

ших долях, которые, объединившись, дают уникальное явление — Александр Розенбаум. И большинство населения его принимает за своего. А скажем, Александр Мирзаян менее доступен людям, мы его меньше слышим, он меньше пишет, но он гораздо глубже в том, что он делает. И это его выбор. А у публики свой выбор, кого слушать.

— Кто же ваш слушатель?

— Он разный. Иногда очень даже неожиданный. Потому что среди моих поклонников вдруг обнаруживаются такие люди, что я даже и не предполагал: из правительства, заядлых алкоголиков, артистов, академиком.

— Вы пишете на заказ?

— Вот сейчас сижу и думаю: вот бы кто-нибудь песню мне заказал! Никто не заказывает! А спросите, почему мне так этого хочется?

— Потому что автомобиль светит?

— Нет! Автомобиль у меня уже есть. А дело в том, что заказ служит лишним поводом посадить себя за стол. Определенные временные рамки и тема как-то тебя дисциплинируют.

— Как вы пишете? Утром? Ночью? На озере? В поезде?

— Не знаю. Вдохновение приходит в самый неподходящий момент, когда писать тебе и некогда, и невозможна. Чаще ночью. С другой стороны, не встань и не запиши что-то — это, конечно, преступление, потому что утром ты этого не вспомнишь.

— Вам не мешает то, что у вас нет музыкального образования?

— Дело не в музыкальном образовании, а в способностях. Можно и без образования на слух придумывать какие-то вещи более тонко, с полутонами. А так получается то, что получается.

— Тем не менее у вас очень много красивых, запоминающихся мелодий. И в то же время много грустных, меланхолических песен. Это соответствует вашему характеру?

— Мне кажется, что они не грустные, а спокойные. Предполагающие какие-то размышления. У меня есть своя теория. Для того чтобы поднять людям настроение, нужно слушать грустные песни. Грустные песни вселяют в тебя радость.

— Вы никогда не испытывали "белой зависти" к успешным, "раскрученным" певцам или артистам эстрады?

— Да постоянно. Я, например, белой завистью завидую Михаилу Михайловичу Жванецкому. А что касается именно песен — у меня есть такой давно задуманный проект "Свои песни". Там собраны песни других авторов, которые я бы написал сам. Но они уже написаны — и мне остается их только спеть. А девизом этого альбома можно взять строчки Геннадия Васильева "Чтобы наши песни пели как свои".

— А почему вас не так часто можно увидеть в телевизоре?

— А потому что не стоит задача можно чаще мелькать на телеэкране. Если бы она стояла, я бы знал, как ее выполнить. Как организовать это, проплатить, чтобы твое лицо мелькало очень часто. Но это мне абсолютно неинтересно. Мне понравилось, как сказал однажды Олег Газманов: "XXI век — век пиара. Пиар в нашем веке заменяет человеку разум".

— Но вы тоже внесли свой вклад в развитие этого жанра. У вас проги, диски, концерты.

— Это задача прежде всего тех людей, которые выпускают эту продукцию. Они заинтересованы в том, чтобы она хорошо продалась. А они получают свои деньги. Ну я этому не препятствую, потому что я с этого тоже получаю свой процент.

— Разумеется. А что губительно для творчества?

— Об этом давно сказано — суета. — Поэтому вы удалили свой год рождения в Ватутинки?

— Не знаю. Хотя, конечно, природу очень люблю и мне уже не может прийти в голову возвращаться жить в город. Кстати, когда я приехал в Ватутинки, сразу стал писать о своей деревне. И одному соседу как-то напел, тот послушал, а затем говорит: тут у нас Матусовский тоже как-то вышел на берег речки и написал: "Речка движется и не движется, вся из лунного серебра...". Да, у нас там каждый квадратный сантиметр уже знаменит. И я поэтому следующую песню написал уже о другой деревне — Царском Селе.

— А что за проект, связанный с Пушкиным, который вы сейчас готовите?

— Альбом на его стихи. Это дело нескорое, потому что хотелось бы записать его очень хорошо. Часть песен уже написали Леонид Марголин, Андрей Крамаренко и другие не такие известные авторы. Я буду просить участвовать и Пахмутову, и Тухманову, и Тамару Гвердцители, и белорусских "Песняров", и Юлию Началову... Главная цель этого проекта — творческий результат, а не коммерческий. Старый альбом "По волнам моей памяти" служит для меня образцом и примером. Никому не известные тогда певцы спели замечательные песни на стихи Бодлера, Цветаевой, Ахматовой. И если сейчас послушать этот альбом — он звучит абсолютно современно. И пока для меня является "номером один".

— Что в нашей жизни вас удивляет больше всего?

— Все. Все, как Господь Бог все это замечательно придумал. И было бы как раз очень странно не удивляться самой жизни.

Беседу вела
Наталья БОБРОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

85